

УДК 94(471.64)084.3

DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-224-231

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЫДВИЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В КАБАРДЕ

О.А. ЖАНСИТОВ

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы становления советской политической элиты в Кабарде в период российской революции. Выявляются два канала кооптации кабардинцев в советские властные структуры. Первый представлен выходцами из местной крестьянской среды, проявившими себя в ходе социальных протестов в Нальчикском округе начала двадцатого столетия. Вторым – видными деятелями кабардинского духовенства. Анализируется роль внешнего фактора вовлечения в политический процесс «народных низов», связанная с действиями большевиков по формированию на местах прочной социальной базы и лояльной управленческой прослойки как необходимого условия развития революционного движения в регионах.

Ключевые слова: революция, политическая элита, Кабарда, большевики, духовенство, советская власть.

Проблемам взаимодействия большевиков с этническими элитами, в том числе и северокавказскими, посвящены исследования Т. Красовицкой. В одной из своих работ автор анализирует роль Наркомнаца в этом процессе, задачей которого являлась адаптация этнокультурной специфики к большевистскому концепту. Красовицкая отмечает, что новые «хозяева» страны «раскалывали этнические элиты, соблазняя левацки настроенных, которые в свою очередь стремились в обмен на лояльность вырвать уступки». При этом обе стороны «демонстрировали прагматизм, хитрость, осторожность, готовность к компромиссу» [1, с. 332].

Вопросами становления советской административно-политической элиты на Северном Кавказе уже после окончательного закрепления советской власти в регионе (1920-е гг.) занимался Х. Мамсиров. В горском социуме он выделил три группы, проявлявшие властные амбиции. Это представители прежней элиты, отвергнувшие идею сотрудничества с большевиками, «шариатисты», работавшие в советских структурах, но при этом отстаивающие «важность большего внимания к специфическим потребностям и особенностям этнических культур», что в итоге привело к распаду «советско-шариатского» блока и преследованию духовных деятелей, и, наконец, «интернационалисты». Именно на последнюю группу, как отмечает Х. Мамсиров, которая охотно поддержала Октябрьскую революцию, стремилось освоить советскую теорию и практику модернизации, была лично знакома с партийными руководителями верхнего уровня, пользовалась их поддержкой и покровительством, сделали ставку большевики [2, с. 71].

Анализ советской кадровой политики на Северном Кавказе отражен в работах Ю. Карпова [3]. Исследователь отмечает, что большевики, формируя управленческую прослойку в регионе, по классовым соображениям обошли вниманием местную знать, представленную по большей части образованными, состоятельными, имевшими опыт управления лицами. Если к прежней сословной элите, как пишет Ю. Карпов, новая власть была нетерпимой, то с духовенством поначалу вынуждена была мириться, «ибо оно пользовалось не

только большим уважением рядового населения, но и само до поры поддерживало коммунистов». В результате «ставка в укреплении новой системы делалась на бедноту», что по причине ее малограмотности и неавторитетности в народе оборачивалось для большевиков трудностями в проведении партийной линии на местах [4, с. 16].

Проблемы становления советской национальной политической элиты в Северо-Кавказском регионе исследовались в контексте большевистской политики коренизации кадров в 20-х – 30-х гг. XX в. В этой связи уместно выделить работы Н. Бугая, Д. Мекулова [5], Т. Хлыниной, Е. Кринко [6], М. Гутиевой [7]. Авторы отмечают специфические ментальные и культурно-исторические условия горских областей, в соответствии с которыми большевикам приходилось корректировать процесс формирования управленческих кадров.

Существуют также работы, затрагивающие вопросы выдвижения и деятельности советской политической элиты конкретно в Кабарде. У. Улигов акцентировал внимание на участии в этом процессе в 1917-1918 гг. «русских большевиков и видных революционеров» из промышленных центров страны, сориентировавших в нужном ключе местных «руководителей крестьянских масс», не сразу разобравшихся в сложной политической обстановке [8, с. 56]. В. Кажаров раскрыл негативную роль кабардинской советской верхушки в осуществлении репрессий национальной интеллигенции, духовенства, зажиточного крестьянства [9, с. 54-56]. О. Жанситов обозначил элитарные амбиции кабардинского крестьянства и духовенства, преобладавшие в настроениях данных социальных групп накануне революции и отчетливо проявившиеся как «воля к власти» в условиях политического кризиса 1917-1920 гг. [10].

В данной статье мы сосредоточиваемся на начальном этапе становления советской элиты в Кабарде, который хронологически охватывает 1918 г., то есть период провозглашения и закрепления советской власти. В это время большевики, пытаясь сформировать местную лояльную управленческую прослойку, входят во взаимодействие с двумя группами местного социума – крестьянскими активистами и духовенством. Последние в условиях обострившихся в революционный период социальных противоречий в Кабарде открыто заявили о своих властных амбициях и претензиях на роль новой политической элиты. Под советскими этническими элитами в указанный период мы подразумеваем прежде всего тех лиц, которые в разворачивающемся гражданском противостоянии в регионе встали на сторону советской власти или даже вступили в ряды большевистской партии, однако при этом не обязательно разделяли все аспекты ее идеологии. Советский «до мозга костей» «управленец-национал» появляется позднее.

Традиционно господствующее положение в политической и общественной жизни Кабарды занимали представители высших сословий. Такое положение сохранялось в рамках российской административной системы с тем лишь отличием, что некогда суверенные князья и дворяне влились в колониальные управленческие структуры и проявили себя на военном поприще и в общественной жизни. В сформированных в Нальчикском округе после Февральской революции органах власти кабардинская знать, представленная по большей части светски образованными лицами, обозначаемыми в советской терминологии как «национальная буржуазная интеллигенция», также играла ведущую роль. В образованном 27 марта 1917 г. Нальчикском окружном гражданском исполнительном комитете представители традиционной элиты (Г. Сохов, М. Абуков, Т. Шакманов и др.) заняли ключевые позиции [9, с. 36]. Комиссаром Нальчикского округа стал юрист Х. Чижоков, начальником милиции – А. Анзоров, казначейство возглавил князь М. Атажукин.

Эти деятели, координирующие свои действия с областной администрацией (Терский областной гражданский исполнительный комитет), разделявшей политический курс Временного правительства, признали нелегитимным приход к власти в октябре 1917 г. большевиков. Соответственно последние, распространяя свое влияние в регионах, в частности в Терской области, вынуждены были содействовать выдвижению новых политических элит из «народных низов», стоящих по своим идейным и экономическим соображениям на платформе советской власти. Поскольку процент пролетариата – основной социальной

базы большевизма – в регионе был крайне низок, ставка делалась на крестьянство, из среды которого и кооптировались местные советские элиты. «Революция как таковая, – отмечалось в аналитической записке начальника Кабардино-Балкарского областного отдела ОГПУ (10 ноября 1924 г.), – выдвинула из крайне революционных, участвующих непосредственно в ломке феодального строя сил лиц, совершенно ранее незаметных (Калмыков, Хачетлов, Катханов и т.д.). Эти лица целиком из самых забытых, экономически слабых фамилий, выдвинутые естественным ходом революционных событий, теперь, конечно, выявляют подлинное лицо советской власти применительно к условиям национальной действительности» [11, с. 206]. Согласно сословной структуре Кабарды, актуальность которой в начале XX в. все еще сохранялась, а также по роду деятельности эти лица являлись крестьянами и, выдвигаясь во власть, они позиционировались как представители крестьянства, защитники его интересов. Не случайно властные амбиции этих лиц вызвали серьезное возмущение со стороны прежней сословной элиты Кабарды, в представлениях которой управленческие функции были прерогативой исключительно аристократии.

В крестьянской кабардинской среде к моменту революции не было масштабных политических деятелей, общенародных лидеров. Таковыми выходцы из простонародья стали благодаря как собственной политической активности в революционный период, так и кадровой политике большевиков, которые, проводя «коренизацию» революции, формировали местные кадры из социально близких элементов. Само большевистское движение в Кабарде на начальном этапе в этническом плане было русским явлением. «В кабардинских селах, – вспоминал революционер С. Русаков, – о большевиках были самые вздорные слухи, вплоть до общих жен, закрытия мечетей, отбирания земель в пользу большевиков. Под большевиками понимали только русских иногородних». Первые большевистские кружки в Кабарде состояли в основном из русских. Когда тот же С. Русаков был направлен в Нальчикский округ, он, по его словам, «начал искать пути организации партии, минуя кабардино-балкарских вожаков» [12, Ф. 2, оп. 2, д. 38, л. 18].

Однако два кабардинца (Т. Ахохов, С. Ахохов) были все же включены на правах рядовых членов в состав сформированного в округе Нальчикского совета рабочих депутатов. С течением времени представительство кабардинцев в революционных организациях возрастает. К началу большевистской кампании по установлению советской власти в Терской области, выразившейся, в частности, в проведении съездов народов региона в Кабарде, уже сложилась довольно сплоченная просоветская группа и обозначились ее лидеры – Б. Калмыков, Д. Шекихачев, Х. Бесланеев, Т. Ахохов и др. В январе 1918 г. после создания Нальчикской окружной организации РСДРП(б) эти лица были включены в ее состав, в том числе и в руководящее ядро [8, с. 96].

Кабардинская делегация на съездах народов региона, прошедших в феврале-марте 1918 г. в Моздоке и Пятигорске, была довольно многочисленной и активной. Во многом благодаря ее принципиальной позиции большевикам в итоге удалось провозгласить советскую власть в Терской области.

На Пятигорском съезде крестьянские активисты впервые открыто заявили о своих претензиях на власть в Кабарде. Это случилось после того как действующее руководство Нальчикского округа (Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет), сформированное после Февральской революции и не признавшее легитимность захвативших власть в стране большевиков, направило в адрес съезда телеграмму, в которой заявило, что присутствующая на съезде группа из Кабарды не имеет каких-либо полномочий выступать от имени народа, что ставит под вопрос правомочность самого съезда. В ответ эта группа приняла резолюцию, в которой признала членов Нальчикского исполкома врагами народа и объявила об избрании из числа делегатов съезда Кабардинского народного совета как высшего органа власти в Кабарде [8, с. 104, 105].

После провозглашения советской власти на Пятигорском съезде большевики фактически установили полный контроль над Терской областью. Постфевральские демократиче-

ские силы региона не смогли сорганизоваться, созданные ими политические структуры начали распадаться. В этих условиях 21 марта 1918 г. 1 Окружной народный съезд провозгласил в Нальчикском округе советскую власть и образовал Окружной народный Совет. В его состав, помимо прочих, были переизбраны члены образованного на Пятигорском съезде Кабардинского народного совета К. Шогенцуков, М. Фанзиев, Х. Бесланеев и другие. Новый орган власти возглавил Х. Мамбетов.

Впервые в истории Кабарды власть оказалась в руках представителей местного крестьянства. С этого времени в русле классовой политики большевиков здесь начались процессы вытеснения представителей традиционных элит из общественной, политической и экономической жизни. Нальчикский окружной народный совет выпустил специальную резолюцию, в которой отчетливо обозначилась стратегия новой кадровой политики. Согласно резолюции членам Окружного совета вменялось в обязанность следить за тем, чтобы в окружные и сельские органы власти не проходили представители высших сословий: «обществу должно быть внушено, что даже неграмотный трудовой земледелец будет управлять делами трудового народа лучше, чем образованный богатей или его прислужник» [8, с. 132]. Военизированные структуры новой власти также формировались по классовому принципу. В одном из приказов того времени по вопросам организации революционных дружин указывалось: «Советская власть не может доверять охрану себя и интересов трудящихся богатым и прочим прихвостням контрреволюции, все всадники, поступающие в интернациональный отряд, должны быть из трудящихся – бедноты плоскости и пастухов гор, но снаряжены исключительно за счет имущего класса» [8, с. 137].

Социальные преобразования в Нальчикском округе, инициированные большевиками и проводимые вставшими у власти выходцами из крестьянской среды, не встретили единодушного одобрения в кабардинском социуме. В частности, большое недовольство вызвали мероприятия по национализации земли, затронувшие интересы многих частновладельцев. Для усмирения владельцев, не желавших расставаться со своими участками, в села направлялись вооруженные отряды. Производились аресты недовольных и конфискация их имущества [12, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 23].

Вооруженная сила применялась и при сборе налогов с населения. 25 июня 1918 г. Нальчикский окружной Совет инициировал сбор недоимок в селениях округа. В случае оказания сопротивления или неповиновения разрешалось привлекать отряды красноармейцев, а расходы на их содержание возлагать на виновных [12, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 60, 61]. Более того, руками новой политической элиты большевики проводили репрессивную политику в отношении не только прежних элит, но и имущих слоев населения, среди которых часто встречались и представители крестьянства. Современник того периода К. Чхеидзе в своих мемуарах описывал гнетущую атмосферу, царящую в Нальчикском округе: «Городская тюрьма постепенно пополнялась. Некоторых арестованных отправляли в Пятигорск или Владикавказ. Из аулов доходили сведения о насилиях, чинимых красноармейцами; на город была наложена контрибуция, на целый ряд лиц коммунисты откровенно охотились. Ходили темные слухи, будто в городе существует ЧК, работающая тайно. Никто не жил в уверенности в завтрашний день... Метод коммунистического управления состоял в том, что они запугивали массы и изымали из оборота тех, кто казался им опасным. Запугивать массы и истребить тех, кто может поднять массы против коммунистов, – в этом заключалась их задача. С помощью наемных и добровольных войск они держали в повиновении город и аулы, устраивали обыски, ревизии и облавы» [13, с. 199-200].

Новая советская элита Кабарды не смогла предотвратить передачу части кабардинских территорий соседним малоземельным горским народам, что ущемляло интересы уже не отдельных групп, а всего социума. Как отмечает У. Улигов, ссылаясь на архивные материалы, весной 1918 г. решением Терской чрезвычайной земельной комиссии «было передано соседней Дигоре (Осетия) 6341 десятина кабардинской земли, Ингушетии – 1010, Ка-

рачаю – 32000 десятин... Балкарии... 93 участка горных пастбищ Кабарды площадью 12549 десятин» [8, с. 153].

Подобное положение привело к тому, что популярность советской власти и ее представителей в Нальчикском округе стала ослабевать. В результате во время перевыборов в Окружной народный совет в августе 1918 г. ключевые позиции в нем заняли представители прежних элит (Т. Шакманов, Б. Карачаев и др.), проявившие себя еще в дореволюционной и «постфевральской» администрации. Новое руководство Народного совета, признавая советскую власть, в то же время проводило политику, расходящуюся с курсом большевиков в Терской области. Особое недовольство последних вызвало решение Совета о провозглашении Кабарды нейтральной стороной в начавшейся в регионе гражданской войне, основными акторами которой выступили антисоветски настроенное Терское казачество и поддерживавшее большевиков малоземельное горское и иногороднее население Терека. Отзыв с фронта кабардинских революционных отрядов, инициированный правительством Т. Шакманова, ослаблял позиции большевиков в регионе.

Таким образом, попытка большевиков использовать крестьянских активистов как локомотив революционных процессов в Кабарде не имела успеха, что привело к их переориентированию на эксплуатацию исламской идеологии, которая в некоторых своих положениях перекликалась с идеями социализма. С одной стороны, шариатское право защищает частную собственность, в том числе и на землю, с другой – содержит положение, согласно которому земля должна принадлежать тем, кто «воскрешает» ее, обрабатывает, то есть крестьянам [14, с. 252].

Г. Русаков в своих мемуарах отмечал: «...Во Владикавказе мне С.М. Киров говорил, что нужно, изучая работников, подобрать мусульманина эфендия или муллу, с которым можно было бы объединить на советской платформе бедноту Кабарды. Присутствовавший при нашей беседе тов. Симон Такоев (осетинский революционер, – *авт.*), указал на эфендия Назира Катханова... Я с товарищем написал письмо С.М. Кирову с характеристикой Катханова. Прошло 3-4 недели, и сияющий Катханов нам объявил, что уезжает получать колоссальное назначение во Владикавказ. Дней через 10 мы получили сведения, что Катханов с сотней или больше, преимущественно мулл, движется по Малой Кабарде к Нальчику» [12, Ф. 2, оп. 2, д. 38, л. 37.]

Духовные деятели Кабарды в начале XX в. составляли внушительную социально активную часть местного социума. Они занимали важное место в общественной жизни, регламентировали социальные практики, занимались просвещением как светским, так и духовным, однако их роль в политической сфере, традиционно являвшейся прерогативой высших сословий, сводилась к минимуму. В ситуации же социально-политического кризиса в стране у кабардинского духовенства, следовавшего девизу «чтобы исполнить духовную миссию в мире, необходимо пользоваться политической властью» [15, с. 110], появился шанс на политическое лидерство. Советская власть, видевшая потенциал духовенства, ряды которого к тому же составляли выходцы из «социально близкой» крестьянской среды, решила сделать его локомотивом революции в Нальчикском округе.

Состоящий из 150 человек отряд Н. Катханова, получивший известность как «шариатская колонна», в состав которой при содействии советской власти вошли около двухсот русских и осетинских красноармейцев, в сентябре 1918 г. занял Нальчик. Окружной народный совет, возглавляемый Т. Шакмановым, был расформирован, а проводимая им политика «нейтралитета» признана контрреволюционной. Власть в Кабарде оказалась в руках духовных деятелей («шариатистов»). Ее институциональным выражением стал Военно-Шариатский Революционный Совет, состав которого был представлен по большей части выходцами из духовенства.

После окончательного утверждения советской власти в Нальчикском округе в марте 1920 г. вовлечение представителей духовенства в политический процесс было свернуто. Большевики, считавшие религиозную идеологию чуждой ценностям социализма, вскоре

перешли к репрессивной политике в отношении своих недавних союзников по революционной борьбе – духовных деятелей. В 1928 г. один из видных его представителей Н. Катханов, успевший проявить себя на различных должностях в советских властных структурах, был репрессирован. Подобная участь постигла многих его соратников.

В дальнейшем советская кабардинская политическая элита формировалась строго по классовому принципу из «социально близких элементов».

В условиях революционных потрясений 1917-1920-х гг., охвативших и Нальчикский округ, на политический олимп вышли новые элиты, представленные выходцами из крестьянской среды и духовенства. Устойчивость их политических позиций и возможности влияния на процессы переходного периода обуславливались как степенью собственного авторитета в народе, так и внешними факторами, в качестве которых выступили действия большевиков по формированию на местах лояльной их власти управленческой элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красовицкая Т.Ю.* Этнические элиты между красными и белыми: этнокультурные идеалы VS интернационализма и «непредрешенчества» // Россия в годы гражданской войны, 1917-1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 608 с.

2. *Мамсиров Х.Б.* Проблемы становления советской административно-политической элиты в национальных автономиях Северного Кавказа в 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6. С. 70-76.

3. *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е годы XX века: эволюция проблем и решений. СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение», 2017. 400 с.

4. *Карпов Ю.Ю.* Советизация 1920-х гг. на местах: взаимодействие государственных и общественных институтов // Платон. 2014. № 4. С. 15 -18.

5. *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.

6. *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.

7. *Гутиева М.А.* Формирование советской политической элиты в республиках Северного Кавказа в 1920-1930-е гг. // Власть и общество в России в XIX–XX вв.: сб. научных трудов. М.: МГОУ. 2010. С. 16-19.

8. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 356 с.

9. *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.

10. *Жанситов О.А.* Межсословные отношения в Кабарде в контексте революционных процессов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 67 с.

11. Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария 1920-1992. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 376 с.

12. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Архив ИГИ КБНЦ РАН).

13. *Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2004. 264 с.

14. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917-го – лето 1918 г.). М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2004. 600 с.

15. *Текуева М.А.* Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке // Ислам и политика на Северном Кавказе: сборник научных статей. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2001.

REFERENCES

1. Krasovitskaia T.Yu. *Etnicheskie elity mezhdru krasnymi i belymi: etnokul'turnye idealy VS internatsionalizma i «nepredreshenchestva»* [Ethnic elites between reds and whites: ethnocultural ideals vs internationalism and “indecision”] // *Rossiia v gody grazhdanskoi voiny, 1917-1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii* [Russia during the Civil War, 1917-1922: essays on history and historiography]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ./ Center of Humanitarian Initiatives. 2018, 608 p.
2. Mamsirov Kh.B. *Problemy stanovleniia sovetskoii administrativno-politicheskoi elity v natsional'nykh avtonomiiakh Severnogo Kavkaza v 1920-kh gg.* [Problems of the Formation of the Soviet Administrative-Political Elite in the National Autonomies of the North Caucasus in the 1920 s.] // *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2010. Vol. 12. № 6. Pp. 70-76.
3. Karpov Yu.Yu. *Natsional'naia politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoi periferii v 20-30-e gody XX veka: evoliutsiia problem i reshenii* [The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 20-30s of the XX century: the evolution of problems and solutions]. St. Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publishing House”, 2017, 400 p.
4. Karpov Yu.Yu. *Sovetizatsiia 1920-kh gg. na mestakh: vzaimodeistvie gosudarstvennykh i obshchestvennykh institutov* [Sovietization of the 1920s. in the localities: interaction of state and public institutions] // *Platon*. 2014. № 4. Pp. 15-18.
5. Bugai N.F., Mekulov D.Kh. *Narody i vlast': «sotsialisticheskii eksperiment»* [Peoples and power: «socialist experiment »]. Maikop: Meoty, 1994, 424 p.
6. Khlynina T.P., Krinko E.F. *Istoriya, politika i natsiostroitel'stvo na Severnom Kavkaze* [History, politics and nation-building in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of RAS Publishing House, 2014. 434 p.
7. Gutieva M.A. *Formirovanie sovetskoii politicheskoi elity v respublikakh Severnogo Kavkaza v 1920-1930-e gg.* [Formation of the Soviet political elite in the republics of the North Caucasus in the 1920s-1930s.] // *Vlast' i obshchestvo v Rossii v XIX–XX vv.: sb. nauchnykh trudov* [Power and society in Russia in the XIX – XX centuries: collection of scientific works]. Moscow: Moscow Region State University, 2010. Pp. 16-19.
8. Uligov U.A. *Sotsialisticheskaiia revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917-1937 gg.)* [Socialist revolution and civil war in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardin and Balkarian peoples (1917-1937)]. Nalchik: El'brus, 1979, 356 p.
9. Kazharov V.Kh. *Gosudarstvenno-politicheskaiia traditsiia v istorii kabardintsev* [State and political tradition in the history of the Kabardians] // Borov A.Kh., Dumanov Kh.M., Kazharov V.Kh. *Sovremennaia gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniia, problemy* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, ways of formation, problems]. Nalchik: El'-Fa, 1999. 184 p.
10. Zhansitov O.A. *Mezhsoslovnye otnosheniia v Kabarde v kontekste revoliutsionnykh protsessov* [Inter-estate relations in Kabarda in the context of revolutionary processes]. Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI RAN/Kabardin-Balkar Institute of Humanitarian Research of RAS Publishing house, 2014, 67 p.
11. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti i obshchestvo. Kabardino-Balkariia 1920-1992* [State security agencies and society. Kabardino-Balkaria 1920-1992]. Nalchik: El'-Fa, 2007. 376 p.
12. *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniu Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Archive of the Institute for Humanitarian Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].
13. Chkheidze K.A. *Strana Prometeia* [Land of Prometheus]. Nalchik: Poligrafservis i T., 2004, 264 p.

14. Iskhakov S.M. *Rossiiskie musul'mane i revoliutsiia (vesna 1917-go – leto 1918 g.)* [Russian Muslims and the Revolution (spring 1917 – summer 1918)]. Moscow: Izdatel'stvo «Sotsial'no-politicheskaiia mysl'» / "Social-political Thought" Publishing house, 2004, 600 p.

15. Tekueva M.A. *Islamskoe dvizhenie v Kabarde i Balkarii vo vremia Grazhdanskoi voiny na Tereke* [Islamic movement in Kabarda and Balkaria during the Civil War on the Terek] // *Islam i politika na Severnom Kavkaze. Sbornik nauchnykh statei* [Islam and politics in the North Caucasus. Collection of scientific articles.]. Edition. 1. Rostov-on-Don, 2001.

RUSSIAN REVOLUTION AND THE ADVANCEMENT OF THE SOVIET POLITICAL ELITE IN KABARDA

O.A. ZHANSITOV

Institute for the Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE «Federal Scientific Center
«Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

The article deals with the formation of the Soviet political elite in Kabarda during the Russian revolution. Two channels of co-optation of Kabardins into the Soviet power structures are revealed. The first is represented by people from the local peasant environment, who showed themselves in the social protests in the Nalchik district of the early twentieth century. The second is represented by prominent figures of the Kabardin clergy. The role of the external factor of involvement in the political process of the “lower classes” is analyzed. It is associated with the actions of the Bolsheviks to form a strong social base and a loyal administrative layer as a necessary condition for the development of the revolutionary movement in the regions.

Keywords: revolution, political elite, Kabarda, Bolsheviks, clergy, Soviet power.

Работа поступила 06.11.2020 г.

Сведения об авторе:

Жанситов Осман Асланович, к.и.н. доцент, с.н.с. сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН.
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
E-mail: osman.zhansitov@yanex.ru

Information about the author:

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of Historical Sciences, Senior researcher of the Department of Modern History of Institute for the Humanitarian Researches – Branch of the Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”.
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18.
E-mail: osman.zhansitov@yandex.ru